

МЕТОД

Как писать историю: уроки античности

Александр Немировский

История как повествование о прошлом — дитя древнегреческой цивилизации и современница эпохи формирования городов-государств (полисов). Следует сказать, что первоначально для греков «историк» — это не «знаток прошлого», а, скорее, исследователь природы, термин этимологически близкий в русском языке слову «истец».

Первыми знатоками минувших времен стали выходцы из наиболее развитых ионийских городов Малой Азии, изложившие на основании мифов и письменных памятников их историю и давшие общее описание обитаемого мира — ойкумены. Труды эти до нас не дошли. Об их характере можно судить лишь по фрагментам и поздним описаниям.

Геродот и Фукидид: два типа историка. Первая история, из дошедших, принадлежит галикарнасцу Геродоту, современнику греко-персидских войн. Римлянин Цицерон называл Геродота «отцом истории», хотя не менее авторитетные авторы считали его «отцом лжи». Например, историк того же времени (V в. до н.э.) — Фукидид — в своем труде даже не упоминает Геродота по имени, относя его к рассказчикам басен.

Спор Фукидида с Геродотом отразил различное понимание истории и задач историка в древности. Для одних, к их числу принадлежали немногие, история — это основанное на документальных свидетельствах, чуждое всякой занимательности исследование истины и причин исторических событий. Для большинст-

ва — живой, художественный рассказ о прошлом.

Геродот и Фукидид — два типа историков древности: историк-художник и историк-исследователь. Разумеется, это не означает, что не было попыток соединить достоинства научного и художественного методов познания истории. В этом плане интересны рекомендации сирийца Лукиана из Самосаты (ок. 120 — ок. 180 н.э.), данные им в годы правления Марка Аврелия и его соправителя Луция Вера в трактате «Как писать историю» (166 г.).

Целью Лукиана было не только продемонстрировать духовное убожество современных ему историков (он это выполнил с присущим ему блеском), но и начертать позитивный идеал историографии, сформулировать ее теорию в соответствии с многовековой практикой создания исторических трудов. То, что автор дает рецепты не из собственного опыта, а заимствует их из произведений великих историков прошлого, несколько не снижает ценности трактата, тем более, что это единственная сохранившаяся попытка подобного обобщения.

Содержание трактата Лукиана значительно шире его заглавия. Автор не просто дает наставления, как писать исторические труды, но пытается выявить специфику исторического жанра, определить, какими качествами должен обладать идеальный историк, обрисовать особенности стиля «историописания». Анализ и советы перемежаются критикой произведений современных Лукиану историков, рассуждениями о ценности теории.

Что отделяет историю от похвального слова? Вопрос об особенностях истории, ее отличии от родственных литературных жанров поднимался и разрабатывался на

протяжения всего развития античной исторической мысли. Уже первый эллинский историк Гекатей из Милета противопоставил свой труд мифам. Фукидид, обосновывая научную направленность своего произведения, выступил против «поэтов, воспевающих события с преувеличениями и прикрасами, и против логографов, сложивших свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха» (Thuc., 1, 21, 1). Полибий на большом материале обосновал отличия истории от поэзии и ораторского искусства.

Поводов для варьирования тезиса о специфике истории, его повторения разными историками в различные эпохи, всегда хватало. Можно вспомнить мнение, высказанное Квинтилианом за век до Лукиана: «История пишется для повествования, а не для доказательств» и «История близка к поэзии и до некоторой степени представляет стихотворение в прозе» (Quint., Inst., X, 1, 31). Во времена Лукиана, видимо, наиболее типичным было смешение истории с панегирическими восхвалениями. Против него наш автор и направляет острие своей критики: «Большинство историков, пренебрегая описанием событий, останавливается на восхвалении начальников и полководцев, вознося своих до небес, а вражеских неумеренно унижая. При этом они забывают, что отделяет историю от похвального слова восхваления не узкая полоса, а как

бы огромная стена, стоящая между ними» (Luc., Hist. scrib., 7).

Вслед за Аристотелем и Полибием Лукиан настаивает на коренном отличии истории и поэзии. «У поэзии и поэтических произведений одни задачи и свои особые законы, у истории — другие. Так, полная свобода и единый закон — воля поэта, так как он преисполнен божества и одержим музами... И когда у поэтов Зевс поднимает на одной цепи сразу землю и море, никто не боится, как бы цепь не оборвалась и все, рухнув, не погибло» (Luc., Hist. scrib., 8). Все эти примеры безудержного полета фантазии Лукиан берет из «Илиады» (Hom., Ill., XX, 221–229; VIII, 18–27), закрывая глаза на то, что поэты могли излагать также научные теории (как Лукреций) или осуждать пороки общественной жизни (как Марциал и Ювенал). Во всяком случае, как полагал Луций, ничто не мешало поэту руководствоваться фантазией, создавать гиперболические, нереальные образы. Историк же этой возможности лишен. «Единственное дело историка — рассказать все, как это было» (Luc., Hist. scrib., 39). Малейшее отступление от истины лишает создателя исторического труда права называться историком: «Истина является сущностью истории, и тот, кто собирает-

ся ею заниматься, должен служить только истине, а на все остальное не обращать внимания» (Luc., Hist. scrib., 39).

Историк — человек, не имеющий родины? Лукиан осознает, что существуют причины, заставляющие историка отступать от истины, и он на них указывает. Это страх перед властью имущими, надежда на вознаграждение с их стороны, рас-

положение или, напротив, неприязнь к тем, о ком он пишет. В том случае, если на пути к истине стоят непреодолимые препятствия, историку остается «считаться не с теперешними слушателями, а с теми, кто впоследствии будет читать его историю» (Luc., Hist. scrib., 39).

Этот совет Лукиан облакает в блестящий образ: строитель Фаросского маяка в Александрии, завершив сооружение, написал на цоколе маяка свое имя и обращение к мореходам, которым предстоит пользоваться благами его труда, а затем, чтобы удовлетворить честолюбие монарха, считавшего, что все созданное в его время, должно служить его славе, покрыл надпись известью и на ней вывел хвалебное посвящение Птолемею. Впоследствии известь обвалилась, и правда об истинном строителе выявилась. «Так надо писать историю», — заключает Лукиан (Luc., Hist. scrib., 43).

Интересен еще один образ, используемый Лукианом для выражения мысли об истории как воплощении истины: «Пусть разум уподобится зеркалу чистому и блестящему и точному по центру, и каким оно восприняло образы вещей, таким пусть их покажет, точно, не исказив ни в цвете, ни в форме» (Luc., Hist. scrib., 51). В той же мере, в какой Лукиан не понимал технического несовершенства металлического зеркала его поры, он не догадывался, что сознание само по себе никогда не в состоянии дать адекватного отражения действительности, лишённого субъективной окраски и влияния среды.

Исходя из своего понимания истории, Лукиан создает образ идеального историка: «Да будет мой историк таков: бесстрашен, независим, друг свободного слова и истины, не руководствующийся ни в чем дружбой или враждой, не признающий пошлости или жалости, ложного стыда или страха, справедливый судья, пусть он будет в своих книгах чужестранцем или человеком, не имеющим родины, не знающим никакого закона, кроме собственно-

го, не имеющим над собою никакого владыки, не мечущимся во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывающим все то, что есть на самом деле» (Luc., Hist. scrib., 41).

Разумеется, Лукиан не мог бы назвать ни одного из реально существовавших историков, который удовлетворял бы всем этим требованиям. Современным исследователям приходится постоянно иметь в виду, что в их распоряжении находится не сумма дошедших от античности фактов, а их интерпретация, данная под тем или иным углом зрения.

Польза и удовольствие. Подобно тому, как мы говорим о значении исторической науки, в древности говорили о пользе истории.

Польза (*χρήσιμον*), однако, понималась не в теоретическом, а в узко утилитарном смысле. По мнению Фукидида, впервые поставившего вопрос о пользе истории, знание минувшего может пригодиться в будущем, когда данная ситуация «по свойству человеческой природы»

может повториться «в том же самом или подобном виде» (Thuc., I, 22, 4). Развивая эту мысль, Полибий подчеркивает необходимость знания истории политическими деятелями и полководцами — людьми, которые должны принимать решения, сообразуясь с реальными ситуациями (Pol., XII, 25b, 3; сравн.: III, 118, 2; IX, 1, 4–5). История учит на ошибках, совершенных в прошлом, и показывает, как их избегать. В то же время Полибий указывает и на морально-педагогический аспект этого вопроса — знание истории может дать утешение в бедствиях, обрушивающихся как на отдельных людей, так и на целые народы, демонстрируя их преходящий характер (Pol., I, 1, 2). Для Цицерона история — наставница жизни (Cic., De orat., II, 36), для Тита Ливия — собрание поучительных примеров (Liv., I, Praef., 10).

Лукиан не вносит в разработку проблемы пользы истории ничего нового. Он просто излагает точку зрения Фукидида,

формулируя ее следующим образом: «И он (Фукидид. — А. Н.) имеет в виду ту пользу и ту цель, которую ждет от истории каждый здравомыслящий, что если когда-нибудь опять подобное и произошло бы, то обратившие взоры к написанному ранее могли бы, он говорит, правильно воспользоваться этим в настоящем» (Luc., Hist. scrib., 42).

Античная риторика связывала с «пользой» истории другое ее свойство — «удовольствие» (τερπνόν), которое она доставляет слушателям или читателям исторических трудов. В рамках этих двух катего-

полнена только собственная задача, то есть обнаружение истины, ей нечего заботиться о красоте» (Luc., Hist. scrib., 9).

Работа с источниками. Наиболее слабой стороной античной историографии была методика исследования. Подход античных историков к источникам носил наивный характер. Можно, например, вспомнить о способе цитирования надписей Геродотом и Тацитом; о смешении Аммианом Марцеллином сведений разновременных источников, создающем условную картину варварского мира. Однако лучшие из античных историков, на-

«Если в истории случайно окажется изящество, — она привлечет к себе многих поклонников, но даже если в ней будет хорошо выполнена только задача обнаружения истины, ей нечего заботиться о красоте»

рий — χρήσιμον и τερπνόν заключена вся амплитуда колебаний в оценках исторических трудов. Цицерон осуждает лишенный украшений стиль первых греческих и римских историков и видит историографический идеал в создании произведений, которые бы доставляли слушателям такое же удовольствие, как речь искусного оратора. Дионисий Галикарнасский еще дальше отходит от критерия «пользы» и задач истории как науки. Он осуждает Фукидида за то, что тот избрал темой «только одну войну, притом такую, которая не была ни славной, ни победоносной, не случись которой — было бы лучше, но раз она все-таки произошла, то потомкам о ней лучше не вспоминать, предав ее забвению и обойдя молчанием» (Dion. Hal., Ad Rom., III, 768). Лукиан выступает против этого, утверждая так же, как Цицерон (Cic., De or., II, 51), что подлинное удовольствие может доставить только правдивое изложение событий: «Если в истории случайно окажется изящество, — она привлечет к себе многих поклонников, но даже если в ней будет хорошо вы-

пример, Фукидид, Полибий, ясно понимали, что источники различаются по степени важности, и сформулировали ряд принципов их критики, прежде всего — требование целенаправленного собирания фактов, имевших место в действительности, с проверкой каждого из них в отдельности.

Вслед за Полибием историки, писавшие по-гречески, постоянно подчеркивали, что главной задачей историка является тщательное собирание сведений, проверка их правильности. Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский, Страбон, Иосиф Флавий, Дион Кассий, Геродиан, Аммиан Марцеллин в разных выражениях варьируют ту же мысль: историк должен сообщать о том, что он видел сам или слышал от очевидцев.

Лукиан ограничивается общими фразами о собирании материала о происшедших событиях и его первоначальной обработке. Он призывает историков собирать материал систематически, трудолюбиво и тщательно. Судя по совету «лучше всего брать то, при чем сам присутствовал

и сам наблюдал» (Luc., Hist. scrib., 47), Лукиан имеет в виду лишь собственные наблюдения историка и свидетельства очевидцев. Правда, можно думать, что Лукиан исключает документальные данные, поскольку речь идет о современных войнах, а не о тех, какие происходили в прошлом и отразились в документах или письменных свидетельствах очевидцев. Но и другие античные историки, может быть, за исключением Полибия, не разграничивали письменные источники по характеру и методике работы над ними.

«Настоящая история», в понимании Лукиана, требует прежде всего отбора фактов, отделения значительного от ничтожного. «Есть люди, — говорит Лукиан, — которые крупные и достопамятные события пропускают или только бегло упоминают о них, а вследствие неумения, недостатка вкуса и незнания, о чем надо говорить и о чем молчать, останавливаются на мелочах и долго и тщательно описывают их» (Luc., Hist. scrib., 27).

Лукиан не первым увидел в отборе фактов одну из главных задач историка. Сицилийский историк V в. до н.э. Антиох Сиракузский начинает свой труд с обещания «выбрать из древних преданий наиболее достоверное и ясное» (FHG, I, Antioch, fr. 2). Ди-

онисий Галикарнасский также указывает, что «историк должен обдумать, что следует включить в свой труд, а что оставить в стороне» (Dion. Hal., Jud. de Thuc., III, 771), хотя сам этому совету не следует. Еще более поразительно то, что греческий ритор в качестве примера неумения отобрать существенное приводит «Историю Фукидида, а как идеальный образец отбора фактов называет «Историю Геродота: «Ведь, беря в руки его (Геродота — А.Н.) книгу, мы не перестаем восторгаться до последнего его слова, дойдя до которого хочется читать еще и еще... Фукидид же, описывая только одну войну, напряженно и не переводя дыхания, нагромождает битву на битву, сборы на сборы, речь на речь, и в конце концов доводит читателя

до изнеможения» (Dion. Hal., Jud. de Thuc., III, 772).

Лукиан не считает излишним описание Фукидидом военных машин, укреплений или сиракузской гавани, и он указывает на их сжатость (Luc., Hist. scrib., 57). «Правда, — замечает, Лукиан — в описании чумы Фукидид может показаться многоречивым, но всмотришься в суть дела, тогда ты увидишь его краткость: сам предмет своей важностью как бы задерживает его стремление вперед» (Luc., Hist. scrib., 57).

Лукиан, таким образом, выступает не против детализации изложения, а отстаивает принцип целесообразности. Деталь не может быть лишней, если она играет роль: например, характер гавани, где происходит сражение, или устройство военной машины, дающей перевес одной из сторон. В то же время наш автор с насмешкой отзывается об историке, который, упомянув о важном сражении в семи строках, посвящает сотни строк одному из участников этого сражения, блуждавшему по горам в поисках воды (Luc., Hist. scrib., 28).

Историк и ваятель. Как мы видели, историческим Лукиан считал лишь такое

произведение, которое дает истинное отображение событий. Но это не означает, что Лукиан безразличен к форме правдивого повествования. Его трактат содержит массу советов по этому поводу.

Интересна рекомендация Лукиана: перед тем, как придать историческому труду литературную форму, необходимо написать *ύλόμνεμα* (Luc., Hist. scrib., 48). Это греческое слово, идентичное латинскому *commentarium*,

имеет смысл «записи, сделанные по памяти» (или по свежим следам). Цицерон, уговаривая Луция Луккея написать историю своего консулата, давал в его распоряжение «записи всех событий» (*commentarii rerum omnium*). Гай Юлий Цезарь, назвав свое произведение *Commentarii de bello Gallico* (Записки о Галльской войне), хотел подчеркнуть, что не претендует на ту законченность и ху-

дожественность, которой должен обладать исторический труд. В этом смысле следует понимать совет Лукиана придать *ὄψιν* внешнюю привлекательность, украсить их соответствующим языком, фигурами и ритмом (Luc., Hist. scrib., 48).

Первоначальная запись фактов не является историческим трудом. Лукиан подчеркивает это, приводя в пример некоего Каллиморфа, лекаря шестой когорты копьеносцев, составившего «сухой перечень событий, вполне прозаический и низкого стиля, какой мог бы написать любой воин, следующий за войском... Он сделал подготовительную работу для какого-нибудь другого, образованного человека, который сумеет взяться за написание настоящей истории» (Luc., Hist. scrib., 11).

Античная историография, так же как духовная культура в целом, была теснейшим образом связана с искусством. Эстетический канон, сложившийся в ходе развития искусства, оказал влияние на формирование представлений об идеальной форме исторического труда. Пластичность, эта основа античного миропонимания, сказывается в суждении Лукиана о сходстве задач истории и ваяния: «Историк должен походить на Фидия и Праксителя или Алкмена или какого-либо другого из художников, так как и они не создавали золота или серебра или слоновой кости... Их искусство состояло в том, чтобы должным образом использовать материал. Такова приблизительно и задача историка: хорошо распределить события и возможно отчетливее их передать» (Luc., Hist. scrib., 51).

Из сферы искусства приходит в практику и теорию античной историографии требование симметрии исторического

труда. Подобно статуе, исторический труд должен иметь тело (*σώμα*) и голову (*κεφαλή*), и эти части должны быть соразмерны (Luc., Hist. scrib., 23). Под головой и телом подразумеваются предисловие и основная часть. Лукиан осуждает тех современных историков, которые пишут растянутые предисловия, не соответствующие протяженности и характеру основной части: со стороны это выглядит так, словно бы малютка Эрот в шутку напялил на свою головку огромную маску Геракла или Пана (Luc., Hist. scrib., 23). В практике современной Лукиану историографии было и создание «безголовых тел», т.е. исторических трудов, лишенных предисловий. Творцы таких уродов оправдывали себя тем, что некоторые произведения Ксенофонта и других старых историков также не имели предисловий. Разбирая этот вопрос, Лукиан стремился доказать, что здесь рабское копирование невозможно. Некоторые труды классиков не нуждались в предисловиях, поскольку их содержание явствует из главной части труда (Luc., Hist. scrib., 52). Другие имели предисловия, но такого рода, что при поверхностном рассмотрении могут показаться лишенными предисловия (Luc., Hist. scrib., 23).

Требование симметрии Лукиан распространяет не только на соотношение головной и основной части исторического труда, но и на все его содержание. Историк так же, как человек, созерцающий статую, должен обращать внимание не на детали, а на красоту и жизненную правду целого. Ничего, кроме насмешки, не могут вызвать такие исторические труды, в которых целые книги уделяются описанию щита императора, его мантии, сбруе его коня (Luc., Hist. scrib., 27).

Язык историка. В соответствии с античным эстетическим каноном складываются требования к языку исторического труда. «Стиль его, по законам риторики, должен быть острым и едким, но все же мягче, чем у оратора» (Luc., Hist. scrib., 43). Речь «должна течь ровно и гладко, всегда одинаково, без скачков вверх и вниз» (Luc., Hist. scrib., 55). На отличие языка исторического труда от ораторской речи еще до Лукиана указывал Цицерон. Он подчеркивал, что «характер изложения и слог (историка — *A.H.*) должен быть ровным, плавным, со спокойной размеренностью, безо всякой судебной резкости и без словечек, обычных на Форуме (Cic., De or., II, 15, 64).

Аристотель в качестве критерия совершенного по форме художественного произведения выставил ясность (*σαφήνεια*), Эпикур считал это качество главным достоинством любого изложения, и в сочинении «О риторике» он не предъявлял к стилю никаких требований, кроме ясности (Epic., Rhet., X, 13). Также и для приверженца эпикуреизма Лукреция ясность в поэзии стоит на первом месте среди требований поэтики (Lucr., I, 136). В соответствии с этим Лукиан писал: «Суждение историка пусть будет метко и богато мыслями, а язык ясен и достоин образованного человека, — таков, чтобы им можно было наиболее отчетливо выразить мысль» (Luc., Hist. scrib., 44). Историк, по мнению Лукиана, должен «как можно яснее и нагляднее представить дело, не пользуясь ни непонятными и неупотребительными словами, ни обыденными и простонародными, но такими, чтобы их понимали все, а образованные хвалили» (Luc., Hist. scrib., 44).

Рассматривая язык современных ему исторических трудов, Лукиан называет некоего приверженца крайнего аттицизма, который в своем стремлении к чистоте речи дошел до того, что стал передавать по-гречески семантику латинских имен. Сатурнин у него оказался Крониум (Luc., Hist. scrib., 23). Подобный пуризм кажется Лукиану смехотворным. Не меньший комический эффект вызывает неумное стремление другого историка-«новатора» заменить в своем греческом тексте слова давно принятой греческой военной терминологии латинскими терминами (Luc., Hist. scrib., 15).

Однако более всего прегрешений в языке допускают те историки, которые, желая возвыситься над тоскливой обыденностью, наполняют свои труды псевдопоэтическими сентенциями и образами. Один лекарь, автор путевых заметок, снабдил их предисловием, в котором, по образцу поэтов, обращался к Аполлону и оправдывал свое право писать историю тем, что Аполлон является предводителем Муз, а покровитель медицины Асклепий — его сын (Luc., Hist. scrib., XVI). В произведении другого историка высокопарные обороты типа «вождь был полон дум, как лучше подвести свое войско к стене», соседствуют с просторечными выражениями. «Его работа, — замечает Лукиан, — напоминает мне комического актера, у которого одна нога обута в когурн, а другая в сандалию» (Luc., Hist. scrib., 22).

Разобрав многочисленные примеры псевдопоэтизм в исторических трудах, Лукиан делает в высшей степени пронизательное заключение: «Пусть все-таки язык историка не возносится над землей. Его должны возвышать и уподоблять себе красота и величие самого предмета. Он не должен искать необычных предметов и некстати вдохновляться — иначе ему угрожает опасность выйти из колеи и быть унесенным в безумной поэтической пляске. Надо повиноваться узде, быть сдержанным, памятуя, что “высоко парить” опасно и в речи. Лучше, когда мысли мчатся на коне, а язык следует за ними пешком, держась за седло и не отставая при беге» (Luc., Hist. scrib., 45).

Диалог или монолог? Античная историография, как греческая, так и римская, неразрывно связана с ораторским искусством. Достаточно сказать, что в большинстве случаев одни и те же лица были и ораторами и историками (среди римлян, например: М. Порций Катон Старший, Кв. Гортензий, М. Туллий Цицерон, Г. Саллюстий Крисп, П. Корнелий Тацит). Влияние красноречия на историографию обнаруживается не только в подборе историками фактов, производящих наибольшее впечатление, но и в месте, которое занимают в исторических трудах речи. У Фукидида речи составляют 30% всего дошедшего до нас текста «Истории Пелопоннесской войны». Много речей в трудах Ксенофонта и других историков IV в. до н.э. У Тита Ливия речи занимали не менее 12% текста. Перед нами, как правило, не те речи, которые действительно произносились в народных собраниях, в советах старейшин, на поле боя перед воинами, а произведения самого ис-

торика, в лучшем случае (Фукидид, Полибий) составленные с учетом характера того лица, которое могло бы произносить речь или произносило, но не оставило записи ее содержания.

Современные исследователи немало рассуждают о том, что лежало в основе стремления изложить историю не в фор-

собствовало то, что по-прежнему исторические произведения были рассчитаны на восприятие слушателя, а не читателя, и история стремилась избежать монотонного изложения, внести в него живость и разнообразие.

Продолжала играть роль и традиция. Ее силу мы ощущаем в тех наставлениях,

**«Пусть мысли мчатся
на коне, а язык держится за седло»**

ме монолога самого историка, а в виде действия, в котором исторические персонажи выступают не как немые статисты, а как актеры со своими ролями и масками. Не приходится отрицать влияния античной трагедии на формирование этой особенности античных исторических трудов. Но ведь и сама трагедия является порождением полисного строя и присущего ему диалогического образа мышления.

Поэтому будет правильнее думать, что диалогическая форма исторических трудов — следствие все того же миропонимания, которое порождено полисом как специфической и неповторимой общественной и государственной организацией. Живучести этой формы в эпоху, когда полис сменился монархией, спо-

которые Лукиан дает современным историкам: «Если же понадобится, чтобы кто-нибудь произнес речь, прежде всего необходимо, чтобы эта речь соответствовала данному лицу и близко касалась дела, а затем и тут надо стремиться к возможной ясности; впрочем, здесь тебе представится возможность проявить твоё знакомство с ораторскими приемами и красноречием» (Luc., Hist. scrib., 58). Лукиан не замечает того, что в его время диалогическая форма исторических трудов совершенно не соответствовала ни образу жизни, ни умонастроению подданных римской империи, давно уже привыкших к монологу императорских декретов и окрикам центурионов.

